

Валерий Бронников

ПИСЬМА ДЕДУ МОРОЗУ

Валерий Бронников

Письма деду Морозу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422487

ISBN 9785005187024

Аннотация

Странно, но какое бы детство ни было, всё равно его вспоминаем с теплом; вспоминаем родной дом, родные места, друзей, родителей, дедушку и бабушку или воспитателей, нянечек и своих учителей. В этой книге правдивые рассказы и стихи о детях и их небольших приключениях.

Содержание

Ахмурение Миши	7
Лёшка-куропоть	18
Лизуны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Письма деду Морозу

Валерий Бронников

«я сивотня прочитал книгу без слёс»

24 июля 2018. Арсений

© Валерий Бронников, 2020

ISBN 978-5-0051-8702-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работает по профессии более 50 лет и по настоящее время. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого

объединения «Вашка».

Разговор с сыном:

– Мам, а почему полицейские их задерживают?

– Работа у них такая...

– Зачем они выбрали такую работу?

– Когда выбирали, то были уверены,

что будут героями,

защитниками людей, будут оберегать население от во-
ров,

бандитов и других уродов...

– А получилось наоборот?

Записала Татьяна Василькова.

Ахмурение Миши

Алине очень нравился мальчик Миша из её первого класса. Другим девочкам Миша тоже нравился и Алина об этом догадывалась. А как не догадаться, если он с детского садика всем девочкам нравился? Но вот как к нему подойти и тем более об этом сказать? Этого Алина не знала, но и делить Мишу с другими девочками она не хотела.

«Надо придумать что-то такое, чтобы Миша обратил

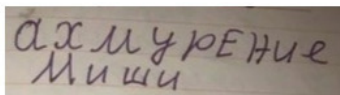
на меня внимание», – подумала Алина, а ещё она подумала, что надо наметить какой-то план своих действий.

Как назло, в голову, сколько она ни думала, ничего не приходило. Мальчик нравился, а что делать дальше? Самой подходить стыдно, а вдруг Миша её обругает или того хуже, своим поведением она его оттолкнёт и тогда уж ей Миши не видеть!

После долгих размышлений Алина решила составить письменный план своих действий. «Если что-то придумаю неправильно», – решила она, – «Это „что-то“ можно вычеркнуть или на бумаге исправить. Бумага стерпит! На бумаге можно написать всё, что угодно, но всё это можно никому не показывать. В конце концов, это будет просто мой коварный план, чтобы подружиться с Мишей! План этот будет в личном дневнике, а личный дневник не принято показывать всем подряд!»

Для дневника Алина взяла небольшой блокнот, где уже имелись записанные её личные мысли. Писать девочка научилась ещё в детском садике. На новой чистой странице Алина старательно вывела заголовок:

*

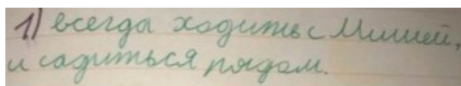

ахм у р е н и е
Миши

Девочка долго разглядывала написанные буквы. Она очень старалась, поэтому осталась довольна своей работой. Дальше дело застопорилось. Что-то ничего не придумывалось, а спрашивать ни у кого нельзя, даже у лучшей подруги Нади. Иначе, какая это будет тайна?

Алина вспоминала детский сад, разные игры, прогулки, походы. Как-то так получалось, что Миша всегда находился от неё на расстоянии. И вдруг её осенило! Девочка написала первый пункт:

*

1) всегда ходить с Мишей,
и садиться рядом.

«Как всё просто!» – подумала Алина, – «Первый пункт получился сам по себе, стоило только вспомнить, что Миша всегда находился от меня на некотором расстоянии, даже в колонне в садике он шёл с другой девочкой, держась за руки. Они о чём-то говорили, но Алина не знает о чём. А разговаривать всё равно придётся! Иначе, как можно находиться рядом и ни о чём не говорить?»

Алина тщательно записала пункт номер два:

*

2) придумать много шуток.

Девочка даже попробовала придумать какую-нибудь шутку, но сразу ничего не получилось. Оказалось, что и шутить Алина совсем не умеет и не знает никаких шуток. «Как же буду их придумывать, если шуток я совсем не знаю? Спрошу у девочек, может, они знают какие-нибудь шутки, а говорить, что это для Миши, я им не буду». А ещё она подумала, что шутки Мише могут не понравиться. Папа ей всегда говорил, что человек должен обладать чувством юмора. «А я не знаю, есть у меня чувство юмора или нет и у Миши про это чувство я ничего не знаю». Алина записала:

*

3) иметь чувствами

«Как-нибудь разберусь с этим чувством! – подумала она, – «Другие мальчики и девочки шутят, значит, и я смогу. На-дя мне говорила, что шутки придумываются лучше, когда страшно и хочется плакать. Пошутить и будет не страшно! Интересно, а Мише бывает страшно? Мне бывает: на качелях страшно; одной в лесу страшно и дома, когда никого нет, одной тоже страшно. С Мишей мне бы не было страшно. Вдвоём не так страшно, как одной!»

– Алина, ты в комнате прибралась? – слышался голос мамы.

Мама спросила так громко, что Алина сразу забыла, о чём думала.

– Не успела, – ответила Алина, – Сейчас приберусь. В своём дневнике она быстро записала:

*

Я на тебе злюсь $\ddot{=}$ и не буду с тобой
разговаривать сегодня и завтра.

P.S. весь день.

P.S. Я всё равно тебя люблю ♥

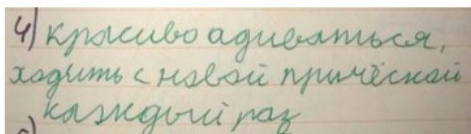
Алина так расстроилась, что на маму рассердилась. План дописать она не успела, приборка займёт много времени. Пришлось записать, что на маму она очень злится, а, подумав, она написала, что её всё равно любит, несмотря на то, что рассердилась.

Полюбовавшись своим дневником, она отложила его в сторону и принялась выполнять домашние дела, которых всегда очень много и, чем больше их делаешь, дел становится ещё больше.

Алина на время забыла про Мишу, про свой дневник и про всё на свете. Случайно ей на глаза попалось домашнее трико, в котором она занималась уборкой. Свой внешний вид в этом трико девочке не понравился: на колене она обнаружила маленькую дырку и пятно от пластилина. Ей в голову сразу пришла гениальная идея: в дневник обязательно записать, что надо всегда выглядеть красиво. Алина временно отставила все дела, подошла к своему рабочему столу и на-

писала:

*

4) красиво одеваться,
ходить с красивой причёской
каждый раз

Про причёску девочка писать не хотела, причёсок много она делать ещё не научилась, но посчитала, что записать это надо обязательно. «Причёски я делать научусь», – подумала Алина, – «Обязательно научусь. Хвостик я делаю весьма прилично и расчёсывать волосы тоже умею. Даже косы, если постараться, могу заплести. Мише мои волосы обязательно понравятся!»

Вспомнив про Мишу, Алина села на стул, начисто забыв про домашние дела. «Что бы ещё такое придумать?», – вспомнила она, – «Я должна выглядеть, как кукла Настя и даже лучше! Кукла – она не живая, ей до Миши нет никакого дела, а руки у неё пластмассовые, которые и волосы причесать не смогут! Мишу взять за руку она тоже не может, а я могу и буду ходить с ним в школу, держась за руку».

От своих мыслей Алина покраснела и даже оглянулась, не подсматривает ли кто-нибудь её мысли. Но в квартире, кроме мамы никого не было, а мама находилась сейчас на кухне, грела чайник. Что-то скворчало на сковороде и от туда вкусно пахло.

«Вот умела бы я готовить пищу!» – подумала Алина, – «Так и записала бы: „Вкусно готовить“, но готовить пищу я ещё не научилась». Алина видела у подружки Нади в дневнике такую запись:

*

A photograph of a handwritten note on blue-lined paper. The text is written in blue ink and reads: "Мама, спасибо тебе за то, что готовишь мне еду, так что я не умираю". The handwriting is cursive and somewhat slanted.

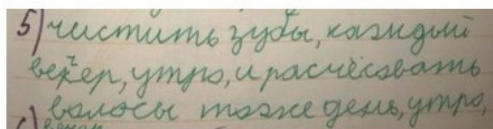
Сама же она писать ничего не рискнула, готовить не умеет, а на маму сейчас уже не очень, но всё ещё злится. Алина принялась снова за уборку. «И откуда берётся столько разных бумажек!» – воскликнула она мысленно, хотя сама накануне стригла тетрадные листы, пытаясь мастерить для куклы одёжки. Одёжки не получились, а бумажки остались и поче-

му-то в самых немыслимых местах, даже лежали под кроватью.

«Вот прибираться я умею», – сказала мысленно Алина, – «Но писать это не буду. Вдруг Миша не любит, когда прибираются и что-нибудь на его столе трогают».

И вдруг её осенило! Алина быстро подскочила к дневнику и записала:

*

«Как это я сразу не сообразила, что зубы чистить надо обязательно!» Алина даже вздохнула с облегчением – план получился внушительный, самой понравился, осталось только привлечь к себе внимание Миши. На всякий случай Алина приписала ещё один пункт:

*

01 Быстрый шаг.

Она и сама не знала, зачем этот пункт нужен, но решила, что быстрый бег в жизни всегда пригодится. «Пусть теперь кто-нибудь скажет, что у меня плохой план!» – подумала она, а ещё девочка подумала, что план свой никогда никому не покажет и Мише тоже.

08.2019

**Текст взят из интернета, автор неизвестен.*

Лёшка-куропоть

Он стал охотником наверно ещё когда не родился. Не секрет, что к восьмому классу все мальчишки стали заядлыми охотниками. А Лёшка охотился и в восьмом классе, и в седьмом, и в шестом, а, может быть, и того раньше. Осознавать это стали остальные ребята только тогда, когда стали старше. Лёшке дали прозвище – куропоть, но не за то, что он похож на куропатку, а за то, что он вылавливал этих птиц несметное количество.

– Лёшка, сколько вчера поймал? – спрашивали любопытные одноклассники.

– Примерно сто двадцать три, – не задумываясь, отвечал Алексей.

Он не врал и не лукавил, а слово «примерно» сказал лишь потому, что при подсчёте добычи дома мог ошибиться.

Ему не надо было столько куропаток, но отец, у которого он перенимал навыки, слыл охотником-промысловиком. Этим он зарабатывал для семьи деньги, сдав добытую птицу или мясо государству. Лёшка ему помогал, но имел в тайге свои тропы и свои уголья, не мешая отцу и предпочитая заниматься промыслом в одиночку, а иногда проверял силки свои и у отца по его просьбе.

Куропаток Алексей ловил силками, чтобы не расходовать впустую на такую мелкую дичь боеприпасы, а ружьё в любом случае носил с собой. Мало ли что!

Силки из конского волоса ничего не стоили, для этого требовалось отрезать волос из конского хвоста, а коней в колхозе пруд-пруди, а потом отдельные волосинки определённым образом сплести. Имея навыки, это большого труда не составляло и приделать верёвочный хвостик для привязки силка к кусту тоже плёвое дело.

Лов куропаток – это так, это между делом, а главной добычей являлись пушнина или мясо. Для мелких и не очень мелких зверей стояли капканы и петли, с которыми он управлялся не хуже взрослого охотника-промысловика. А шкуры с добытых зверей он всегда помогал отцу снимать, учась его мастерству и сноровке.

Снять шкуру – это только пол дела, потом её надо выделывать и выполнить много других операций, чтобы она выглядела не хуже, чем в магазине. Только в этом случае можно надеяться на успех, на то, что приёмщик не снизит сорт и соответственно цену.

Ребят-одноклассников Лёшка с собой в тайгу никогда не брал. Другие ребята ходили в лес парами, а он всегда один, но не от жадности, а потому, что так привык, так учил его отец.

Ружьишко он имел старенькое, одноствольное, издававшее

виды и не мало сделавшее на своём веку выстрелов. Оно по привычке висело на плече, но так, чтобы не мешало заниматься делом и могло, в случае необходимости, оказаться быстро в руках.

Лёшка даже не задумывался о навыках обращения с оружием. Охотничьего билета он не имел, других разрешений и лицензий тоже, он даже не знал, что надо иметь при себе какие-либо бумаги. Об этом ему никто не напоминал, и никто разрешительных документов не спрашивал. Его, как охотника, в деревне знали давно, к его хобби все привыкли и принимали за настоящего мастера своего дела, даже взрослые.

– Сегодня на охоту пойдёшь? – спрашивали его в школе ребята.

– Пойду, я хожу каждый день, иначе куропаток зверь сожрёт, да и в капканах полакомится.

– Когда же ты делаешь уроки? – задавал кто-нибудь вопрос.

– Спишу у кого-нибудь, некогда чепухой заниматься, – отвечал Алексей по-взрослому.

– Мы тоже пойдём, – заявлял ему Валька, учившийся в параллельном классе, – Только силки мы не ставим, слишком муторно, а с ружьишком ходим. Завтра похвастаем успехами. Не забудь пересчитать куропаток, завтра спросим, сколько поймал.

– Сосчитаю – это не трудно.

Лёшка, если никто не спросит, никогда своими успехами не хвастался. Он считал охоту обыденным ежедневным делом, которое, кроме него, никому не интересно. Парень знал, что пойдёт на охоту и завтра, и послезавтра, и будет ходить много-много дней потом, пока не закончится зимний охотничий сезон, а весенний наступит, когда школьный учебный год уже иссякнет.

Лет ему набежало всего ничего, ещё и на девочек не смотрел; шалил, как все ребята в его возрасте, но по поступкам вне школы и по рассуждениям о своей работе он выглядел вполне взрослым. В этом году Алексей заканчивал восьмой класс и больше учиться не собирался. Его жизненный путь оказался давно определён. «А зачем учиться, забивать себе голову всякой чепухой?» – рассуждал он, – «Охотник может прожить и без школы». Лёшка был прав. С его «колокольни» перспектив от учёбы никаких не видно, а свою выгоду от охоты можно упустить, причём, существенно. Времени на установку ловушек и капканов надо много. Короткого зимнего дня подчас совсем не хватает, работу приходится заканчивать в полной тьме. Школа отнимает половину дня и половину светлого времени. Ребята ходят на охоту, но их мало интересует результат, а ему без добычи никак нельзя. Семья живёт за счёт удачной охоты. Отец пока добывает трофеи, но он уже стар и вскоре от охоты откажется. Кто тогда будет кормить семью? Лёшка знал, что вся тяжесть заработка ляжет на его плечи, на его сноровку и опыт. Учёбу он не бро-

сал, учился, как все дети, но у всех жизнь складывается по-разному, поэтому ему лучше знать, что в данный момент надо для семьи. Алексей решил твёрдо, что закончит восьмой класс и в школу больше не пойдёт.

А пока он продолжал после школьных уроков исправно посещать лес.

– Как вчерашняя удача? – спросил его Валька.

– Удачно, но по количеству немного.

– Чего так?

– Подстрелил лося.

– Как же ты его подстрелил из своей «пукалки?»

– У меня всегда с собой есть пуля. Я его поздно заметил.

Когда поднял голову от капкана, он меня уже увидел, медленно развернулся и пошёл прочь, удаляясь. В ружье патрон с дробью. Пока я его перезарядил, пока прицелился, потерял уйму времени, но всё же успел выстрелить в то место, где у людей находится хвост.

– У кого, у кого?

– Я совсем запутался, у зверей... Так и прошил его насквозь. Он упал, а себе я преподнёс работу на весь оставшийся вечер. С него же надо снять шкуру, выпотрошить, разделить мясо, всё прибрать. Пришлось разводить костёр и выполнять работу уже в темноте. Мясо я подвесил на ёлку, с собой унёс, сколько смог поднять, в основном внутренности. Семья теперь с мясом, а мне сегодня надо идти с санками. Я ничего не выбросил, даже желудок и кишки прибрал на при-

ваду, один капкан поставил на всякий случай у мяса.

– Ты настоящий охотник! – похвалил Валька.

– У меня это не первый лось, добывать я их привык, – с серьёзным видом произнёс Лёшка, втайне гордясь перед товарищем своим трофеем, – и вдруг выпалил:

– Дай списать!

– Списывай, мне не жалко, если успеешь. У меня наверняка полно ошибок, попросил бы лучше у девчонок.

– Они не дадут, а времени в обрез.

Тетрадка у Лёшки находилась в руках, поэтому он сразу сел списывать. Раздавшийся звонок не дал ему дописать. Он вскочил и побежал в свой класс постигать премудрости школьных наук, мысленно ощущая себя после уроков в своей, привычной ему, природной стихии; среди ёлок и сосен; среди огромных снежных сугробов; среди лесных обитателей добрых и агрессивных, съедобных и несъедобных, больших и маленьких, красивых и грациозных. Он здесь жил, знал каждое дерево, каждый кустик, каждый пенёк и валежину; знал, где можно пройти, а где нельзя; знал повадки и привычки лесных обитателей, их количество. Он сам регулировал их численность, подкармливал, когда возникала такая необходимость.

Сейчас Лёшка-куропоть сидел на уроке химии, задумавшись, с отсутствующим взглядом, и находился очень-очень далеко от премудростей школьной науки.

03.2019

Лизуны

Это случилось в не столь далёкие времена, а в двадцать первом веке, когда стали забываться добрые детские игры на природе, на свежем воздухе, в кругу детей, собирающихся со всей близлежащей округи, чтобы после уроков или домашних дел пообщаться и насладиться совместным пребыванием среди друзей и просто знакомых.

Девочки Оля и Света не захотели оставаться на всё лето в шумном городе, а захотели поехать в деревню, как им казалось, насладиться тишиной зелёного леса, покормить кома-

ров. Да мало ли каких дел и развлечений бывает в деревне, где нет бесконечного потока дребезжащих машин, строгого контроля со стороны взрослых домашних обитателей и надоевших детских площадок! Была и ещё одна причина: все знакомые дети на время куда-то исчезали, отчего становилось скучно и невесело.

Оля позвонила деду:

– Я хочу к вам приехать!

– Приезжай, – ответил дед, – В любое время, только не отдыхать, а работать. Ты же знаешь, что в деревне жители не отдыхают, а всё время работают: выращивают урожай на грядках, заготавливают веники, собирают грибы-ягоды, мокнут под дождём...

Оля его перебила:

– Разве мокнуть под дождём – это работа?

– Мокнуть – это тоже работа. Надо мокнуть под дождём так, чтобы зайти домой сухим, иначе можно простыть и заболеть, значит, это тоже работа – защититься на улице от дождя.

– Я буду работать! Вы только скажите, что надо делать.

– Так дело не пойдёт! Если я начну перечислять, что надо делать, ничего не успею сделать сам. Работу надо видеть самой и выполнять то, что по силам.

– Хорошо, я поняла.

Света тоже позвонила, но бабушке, высказав то же самое предложение – приехать в гости.

Обе внучки, немножко дальние по родству, отличающиеся друг от друга только возрастом в четыре года, получили приглашение приехать в гости в деревню, как было сказано им официально: «Кормить комаров».

Первой приехала Света, выдержав утомительную восьмичасовую дорогу на машине, но устала не очень сильно, проспав некоторую часть пути. Вечером она познакомилась с дедушкой, который пришёл с работы. С дедом она знакомилась пару лет назад, но начисто его забыла, как мгновенно дети забывают взрослых людей, которые на минутку зашли к другим взрослым людям по своим неотложным и важным делам. Она так и сказала:

– Я Вас не помню.

На что дед пошутил:

– Сильно же ты успела постареть, что потеряла память! Я тебя помню и не забыл, а ты меня почему-то забыла.

Через несколько дней приехала Оля, сильно обрадовав Свету, которой стало скучно одной сидеть дома и бесконечно нажимать кнопки мобильного телефона. Хотя, как считала Света, в деревне это самое главное занятие: никто не беспокоит, не напрягает домашними делами, никто не докучает наставлениями и не требует отложить мобильный телефон в сторону.

С утра, проснувшись, можно смело нажимать кнопки и лежать до обеда. Дед что-то упоминал про работу в деревне, но Свете казалось, что никакой работы в деревне нет

вообще, все дела оказывались сделаны до неё. Дед уходил на работу и приходил, что-то ковырял в машине, ездил за водой, выносил мусор, топил баню, что-то иногда мастерил. Но разве это дела, если дед сам с ними справляется? Бабушка занималась готовкой пищи, уборкой квартиры, следила за грядками под окном, но не звала никого помогать. Вот и получается, что дел в деревне для детей никаких нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.